

Валентин Моляко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Аннотация. Проанализированы психологические последствия чернобыльской атомной катастрофы (ЧАК). Рассматриваются: генезис общих представлений, понимания и интерпретации ЧАК у различных лиц (в основном жителей Киевского региона) в условиях дефицита информации и ее искажения (слухи, дезинформация); особенности становления интегрального образа о последствиях катастрофы (сокращенно «Ч-образ»); формирование постчернобыльского мышления как нового типа современного экологического мышления. Делается попытка выявления психологических типов реагирования на ЧАК.

Ключевые слова: атомная катастрофа; скрытая паника; принятие решения; типы реагирования; постчернобыльское мышление; чернобыльский синдром.

Abstract. Psychological consequences of Chernobyl atomic disaster (ChAD) have been analyzed. Genesis of general views, understanding and interpretation of ChAD by different people (mainly by the residents of Kiev region) in deficiency of information and its distortion (rumors, misinformation) are discussed. Specificity in formation of the integral image of disaster consequences (Ch-image in brief) is examined. Development of post-Chernobyl thinking as a new type of modern ecological thinking is retraced. The attempt to reveal psychological types of response to ChAD has been made.

Keywords: atomic disaster; hidden panic; decision making; types of response; post-Chernobyl thinking; Chernobyl syndrome.

Чернобыльская трагедия имеет всемирный масштаб

Сегодня для многих очевидно, что чернобыльская трагедия имеет поистине всемирный масштаб, а все ее последствия пока трудно даже представить.

Мы являемся свидетелями грандиозного апокалиптического эксперимента. Слово «апокалиптический» здесь употреблено не случайно: сразу после случившегося стали цитировать из «Откровения Иоанна Богослова» предсказание о падении звезды «Полынь»: «Имя сей звезде “полынь”; и третья часть вод сделалась полынью...» (Откр. 8:11) [1]. Полынь по-украински – это и есть чернобыль.

Нам надлежит, наряду с биологическими, физиологическими, медицинскими последствиями, попытаться разобраться и в психологических последствиях чернобыльской атомной катастрофы (ЧАК).

Свидетельства лиц разного возраста, различных специальностей с различной степенью затронутости катастрофой

Мной рассматриваются некоторые результаты предварительного анализа непосредственных и отсроченных психологических реакций на ЧАК. Данные получены путем включенного наблюдения, бесед, анализа публикаций, передач радио и телевидения и др.

В моем распоряжении имеются свидетельства лиц разного возраста, различных специальностей, разной степени затронутости катастрофой. Это школьники, студенты, рабочие, военнослужащие, научные работники, врачи и др. (Киев; Киевская, Запорожская, Полтавская, Житомирская, Тернопольская, Львовская, Одесская области; Ленинград, Москва, Прага и др.). Среди опрошенных – непосредственные участники ликвидации последствий катастрофы, жители близлежащих (30-километровая зона) и более отдаленных от Чернобыля мест, а также те, кто черпал сведения о случившемся лишь из сообщений средств массовой информации и по слухам. Здесь мы используем в основном материалы, полученные при обследовании жителей Киева.

Специфический материал анализа и уникальность самого события исключали возможность использования стандартизированных методик, а масштабы случившегося заставляли пренебречь модернизированной технологией и попытаться хотя бы в первом приближении рассмотреть реальные и предполагаемые психологические последствия Чернобыля. Тем более что реабилитационная деятельность по ликвидации именно психологических последствий катастрофы еще по-настоящему не начата, а в ряде случаев мы имеем дело с вопиющим проявлением равнодушия тех, кто должен был решать постчернобыльские проблемы [2–6 и др.].

Общая картина психологических последствий ЧАК и феномен непрерывной паники

Чернобыльская катастрофа признана крупнейшей за всю историю человечества, она повлекла и влечет за собой тяжелейшие последствия [2; 6–8]. По сути, у нас есть основания говорить о растянутом во времени своеобразном атомном геноциде, который может превзойти последствия всех вместе взятых катастроф. Белоруссия, Украина, некоторые области России оказались зонами, где на разном уровне протекает крупнейшее в истории человечества экологическое бедствие. Здесь нет смысла приводить уже достаточно хорошо известные «технические» подробности случившегося – они многократно описаны в прессе, специальных изданиях [9–11]. Нас интересуют собственно психологические моменты.

Авария произошла в ночь с 25 на 26 апреля 1986 г.

Взрыв произошел в ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. В первые несколько дней информация о случившемся была крайне скупой, неопределенной или неадекват-

ной как у нас в стране, так и за рубежом. Наиболее полными данными об аварии располагали лишь те, кто находился непосредственно в районе АЭС, некоторые руководители в Москве, да и они не обладали достаточной и верной информацией [2; 3; 8; 12]. Это короткое время – период скрытого накопления информации о катастрофе.

Неконтролируемые сведения об аварии на Чернобыльской атомной электростанции

В первые дни мая, в связи с активизацией зарубежных средств информации, с прорвавшимися свидетельствами очевидцев, началом эвакуации, неконтролируемые сведения достигают Киева и некоторых других центров (в том числе отдаленных – Москвы, Ленинграда, Тбилиси и т.д.). Именно 4–10 мая происходит своего рода информационный взрыв, приведший к первой волне явной паники, эпицентром которой стал Киев, что обусловлено и его непосредственной близостью к месту аварии, и масштабами города, и относительно большой информированностью людей по неофициальным каналам. Паника сопровождается массовым выездом из города, практически нерегулируемым официально; с 10 по 15 мая самостоятельный выезд в основном прекратился.

Неадекватные официальные акции по успокоению населения

В этот период совершаются неуклюжие и неадекватные официальные акции по успокоению населения: радиопередачи, публикации содержат оптимистичные и довольно абстрактные сведения. Выступления официальных лиц не способствуют успокоению людей [3; 5; 8; 12]. Вторая половина мая – это уже период санкционированного отъезда детей, своего рода растянутая эвакуация. Причем удручало то, что было принято решение об отъезде учащихся 1–7-х классов, а дошкольники и старшекласники оставались вне «поля зрения». В этот период (июнь) напряжение достигает второго пика, переходящего в своего рода плато. Отсутствие информации, которая пользовалась бы достаточным доверием, продолжающееся распространение слухов – все это способствовало поддержанию состояния непрерывной паники в ее второй фазе – скрытой, менее выраженной вовне [5; 8].

Период первой временной адаптации к ЧАК

Поскольку многие считали, что воздействие радиации наихудшим образом отразится именно на детях, а дети в большинстве своем летом разъехались, в летние месяцы в Киеве наблюдалось сравнительное спокойствие. Это был период первой временной адаптации к ЧАК, несколько менее насыщенный опасениями немедленных тяжелых последствий, но отнюдь не свободный от них – все помнили о трех блоках АЭС, о том, что разрушенный четвертый блок все еще не укрошен, а раз-

С сентября – новая волна беспокойства

говоры о его разборке, замуровывании или даже возможном взрыве продолжались и, разумеется, не проходили бесследно. Это был также период накопления в основном негативной информации в новых формах, в новых диапазонах [5].

С наступлением сентября, когда дети вернулись в город, началась новая волна беспокойства. Вопреки «успокаивающей» информации прессы и радио, большинство населения города было склонно трактовать обстановку как явно неблагоприятную. Люди решали эту проблему как могли – мало кому была оказана какая-либо помощь извне. Осень 1986 г. – вновь сочетание надежды, паники, поиска выхода из положения на длительное время или навсегда. Расширение научно обоснованной информации способствовало рассеиванию иллюзий. Несмотря на то что осуществлялась частичная дезактивация, велись репортажи с места событий, возводился «саркофаг», люди всё более и более погружались в состояние не столь активной, как в мае, но явной паники [5; 8].

Неуверенность, подавленность, тревожность людей

Примерно с этого момента значительное число людей чувствовали себя неуверенно, подавленно, тревожно. Эти чувства оттесняются повседневными заботами, ухудшившимся бытом, общими условиями жизни, но всё это лишь усугубляет положение. Многие охвачены страхом, непрерывной паникой. Это состояние некоторые медицинские (!) и административные чиновники цинично определили как «радиофобию» [3; 5; 6; 8]. Я считаю, что истинное положение и сейчас гораздо более тяжелое, чем это можно было предположить, ориентируясь на официальные сведения. Впрочем, ряд последних материалов, в частности о положении в близких к зоне районах Белоруссии, Украины, не оставляют на сей счет никаких иллюзий [6; 7].

Психологические зоны по отношению к ЧАК

Фактически мы имели в тот период дело со своего рода психологическими зонами по характеру проявления отношения к ЧАК в целом. Эти зоны в определенной мере совпадают с зонами радиоактивного загрязнения, насколько о нем можно судить по опубликованным данным и картам заражения:

- *зона отчаяния* (наиболее пострадавшие районы Киевской, Житомирской областей, ряд областей Белоруссии);
- *зона непрерывной скрытой паники* (Киевская область, включая Киев, Житомирская, Черниговская, Ровенская области, отдельные районы Украины, почти вся Белоруссия, часть Брянской области РСФСР);

- *зона повышенной тревожности* (вся Украина и Белоруссия, прилегающие к ним области РСФСР, районы, где имеются АЭС);
- *зона настороженности* (европейская часть СССР, Казахстан, некоторые области азиатской части СССР, связанные с атомными авариями; по-видимому, те страны Европы, где отмечалось сколько-нибудь существенное увеличение радиации после ЧАК);
- *зоны эпизодически возникающей озабоченности* (весь остальной мир).

Такое деление на зоны носит отчасти условный характер и не претендует на строгое очерчивание «географических границ» переживаний и тревог.

Здесь мы имеем дело, естественно, уже с проблемой понимания, интерпретации происшедшего и субъективными возможностями оценки и анализа ЧАК.

Генезис понимания ЧАК и формирование постчернобыльского мышления

Рассматривая вопрос о понимании ЧАК и ее последствий, исследуя его генезис, мы основываемся на тех концепциях понимания, которые приняты в нашей психологии, в частности на следующих положениях работ Г.С. Костюка [13]: понимание и интерпретация случившегося зависят от количества информации о событии, от уровня специальных и общих знаний, степени подверженности слухам, от возраста, рода занятий, от способностей субъекта к воображению последствий и т.д. Степень понимания может быть различной по полноте и глубине (понимание, недопонимание, непонимание, неправильное понимание).

Конгломерат периодов эмоциональных состояний людей

Очевидно, можно говорить о генезисе понимания ЧАК, связанном с указанными ранее периодами, вполне конкретными событиями (прекращение пожара на АЭС, выполнение частичной дезактивации, возведение укрытия для аварийного блока – «саркофага» и т.д.). Эти периоды мы определили следующим образом:

- 1 – недопонимание и непонимание случившегося;
- 2 – гипертрофированная интерпретация случившегося;
- 3 – понимание на уровне доступной информации (ее новых доз);
- 4 – стабилизация понимания;
- 5 – «пульсирующая» интерпретация, обусловленная новыми соображениями, слухами, научными прогнозами и т.п.

Нетрудно увидеть, что нет смысла говорить о полной автономии каждого из периодов или об их изживании. Как это будет показано на конкретных примерах, своеобразный «конгломерат» их возник с первых дней после аварии и остается таковым сегодня.

Первый период –
микшированная
информация о ЧАК

Первый период (26 апреля – 3–5 мая 1986 г.). Первые сообщения об аварии были предельно краткими, по объему вполне сравнимыми с японскими хокку. Поэтому неудивительно, что большинство людей, в том числе в Киеве, не придали им особого значения. Вот типичная картина тех дней: «Очень многие люди, проводившие выходные дни (26–27 апреля. – В.М.) в районах севернее Киева, у Киевского моря, со второй половины дня и до глубокой ночи не могли добраться домой: редкие автобусы ходили вне всякого графика, иногда с интервалами в 1–2 часа. Из Киева на большой скорости проследовали колонны армейских машин. Один из дачников, уже ночью подобранный частными “Жигулями”, спросил водителя: “Это у вас что, учения проводятся?”. “Да, что-то в этом роде”, – ответил тот, но поддерживать разговор не стал. Этой же ночью одной молодой женщине, родители которой проживают в США (г. Балтимор), позвонила оттуда мать и сказала: “У вас какая-то страшная авария произошла. Я еще не знаю подробностей, но сидите дома и ребенка от себя не отпускайте”. Женщина не послушала совета матери, посчитав, что на Западе запускают очередную провокационную “утку”, и в понедельник утром, как всегда, отвела дочку в садик и отправилась на работу» [5, с. 206].

Малая
информированность
об аварии –
неадекватная
реакция населения

Как видим, совершенно неадекватно реагировали на аварию даже те, кто получил более серьезную, чем из газет и по радио, краткую информацию. Здесь необходимо учитывать полную неподготовленность подавляющего числа людей (иногда даже специалистов!) к адекватной оценке случившегося. Как говорил нам один военнослужащий, связанный с системой гражданской обороны, мы были больше готовы даже к атомной войне, чем к «мирной атомной аварии».

Понятно, что главной и единственной причиной пассивного реагирования на ЧАК было отсутствие какой-либо серьезной информации. К тому же сильным отвлекающим средством явилось празднование Первого мая. Еще одним таким фактором оказался матч киевского «Динамо» на Кубок европейских кубков, состоявшийся вечером 2 мая. Очень многие (разумеется, не только киевляне) видели в этом матче более существенное событие, чем «какая-то авария».

Таким образом, ни союзное, ни республиканское правительство, ни партийные органы, ни гражданская оборона, ни представители медицины – никто не выступил хотя бы с элементарными предупреждениями и разъяснениями, которые были бы уместны даже гораздо в более простых ситуациях.

Второй период – многие люди стали узнавать о том, что в район Чернобыля отправляются войска и милиция

Началась настоящая паника

Стали распространяться самые разнообразные слухи

Именно поэтому результат первого периода – полная недооценка ЧАК и возникающей опасности.

Второй период (первые дни мая – июнь 1986 г.) начался 3–5 мая, но по-настоящему «разразился» 5–10 мая. Несмотря на тщательное сокрытие информации, многие узнавали о том, что в район Чернобыля отправлены и отправляются войска, милиция, что оттуда выселяют людей. После Первомайских праздников, отвлекших внимание от аварии, люди начали обмениваться сведениями о Чернобыле, кое-кто слушал зарубежное радио, были и частные звонки из-за границы. Естественно, узнали и о том, что кое-кто уже уехал сам или вывез родственников из Киева, и таких было не так уж мало. Между тем отсутствие официальных сообщений лишь усугубляло положение.

Началась настоящая классическая паника. Ее основным признаком в этот период было стремление к бегству. Многие, даже не располагая сколько-нибудь точными сведениями, решили: если уж не уехать самим, то хотя бы отправить своих детей кто куда может. Вокзал и аэропорты мгновенно переполнились. Люди уезжали даже не по прямым направлениям, а с пересадками, окружными путями и т.д. Все это сопровождалось очень тяжелыми сценами [3; 5].

Фрагмент рассказа командированного инженера из Москвы: «Мы в Москве кое-что слышали об аварии, но приняли это так, между прочим. То, что я увидел, едва ступив на вокзал, меня буквально потрясло. Давка, дикие лица, плач, ругательства. Особенно жуткой была драка инвалидов с инвалидами возле одной из касс. Я и не предполагал, что когда-нибудь такое увижу! Полная невменяемость, ни малейшего намека на самые простые человеческие формы поведения. Я эту картину никогда не забуду».

Таких картин было много, но справедливости ради нужно признать, что в целом город не попал во всеобщую стихию паники: работали все учреждения, магазины, поликлиники, заводы и т.д. Увы, работали также школы и другие учебные заведения. Более того, было отдано распоряжение никого никуда не отпускать – ни детей из школы, ни людей с работы (первые два дня, 4 и 5 мая, еще отпускали, потом, очевидно, власти приняли другое решение, неизвестно чем продиктованное) [5; 8].

Стали распространяться самые разнообразные слухи – от вполне правдоподобных (потом иногда оказывалось, что и правдивых) до самых фантастических о гибели большого числа людей, о способах самолечения

алкоголем и пр. Анализ ситуации в этот период показывает, что часть людей (по очень приблизительным подсчетам, около четверти опрошенных и наблюдаемых) находилась в эти дни в состоянии довольно сильной паники, что выражалось: 1) в неадекватной оценке ситуации, преувеличении сиюминутной опасности, стремлении спастись бегством; 2) в повышенной суетливости, хаотизме поведения или, наоборот, заторможенности; 3) в падении дисциплины, работоспособности; 4) в поисках успокаивающих средств (лекарств, алкоголя); 5) в жажде получения информации – повышенный интерес ко всем слухам, сообщениям и т.д. Небольшая часть населения была неадекватно равнодушной к происходящему, а основная масса пребывала в состоянии внешне относительного спокойствия, сохраняя главные особенности «обычного» поведения.

Гипертрофированные оценки аварии

Основной признак интерпретации случившегося в этот период – гипертрофированная оценка сведений об аварии. В данном случае преобладала гипертрофия представлений о немедленном воздействии радиации (более того, речь шла о возможном взрыве АЭС и полном уничтожении Киева и других мест, находящихся в относительной близости от станции). Кроме того, следует сказать о характере гипертрофии оценок: некоторые казавшиеся тогда гипертрофированными оценки стали вполне «нормальными» по прошествии более или менее длительного времени.

Третий период – расширение информации

Третий период – генезис понимания ЧАК становится связанным с расширением официальных сведений: некоторая (очень скудная) информация постепенно поступала. В основном это были краткие рекомендации и выступления представителей Минздрава УССР по радио сугубо «розового» характера. Своего рода переломным моментом явилось выступление М.С. Горбачева по Всесоюзному телевидению 14 мая 1986 г. Выступление во многом сильно запоздало (почти на 20 дней!), было достаточно успокоительным, содержало ряд не совсем важных для пострадавших моментов чисто политического плана, но в нем впервые на высоком уровне давалась общая более или менее адекватная оценка случившегося, содержалась достаточно тревожная правда о масштабах аварии.

Появляются регулярные репортажи из района аварии

Начинаются регулярные репортажи из района аварии, публикуются другие материалы [3; 5; 9; 10]. Всё это, безусловно, способствовало лучшему пониманию случившегося, распространению среди неспециалистов (народа) более научных и объективных сведений. Конечно, сохра-

нялся своеобразный «фон отношения» к случившемуся, то есть уже были выработаны определенные установки, диспозиции (в их формировании большую роль сыграли неофициальные сведения). Это фаза переплетений информации по официальным и неофициальным каналам, а в связи с этим и переплетений оценок, формирования образа событий с привнесением каждым своих субъективных представлений, знаний с учетом возможностей конкретного интеллекта и воображения. Для рассматриваемого периода характерны резко противоречивые оценки даже среди лиц, достаточно однородных по профессии, возрасту и общему уровню развития: «Нас держат в полном неведении. Я совершенно не верю официальным сообщениям. Врачам даны указания не распространяться о радиации. Те, кто работает с зараженными, дают подписки. Диагнозы извращаются. Книжки учета больных сдаются в спецчасть» (Д.С., врач); «Ничего особенного не произошло. Это всё паника, и об этом достаточно четко сказано уже не раз. Никаких особых больных нет. Больные, как всегда. Кто-то просто заинтересован в распространении слухов» (М.Г., врач).

Представление об атомной опасности постоянно меняется

В этот период, примерно до конца 1986 г., когда было закончено сооружение «саркофага», большая часть людей вернулась обратно в Киев и некоторые другие населенные пункты. Представление об атомной опасности «скачет», меняясь каждый раз под влиянием очередной дозы информации и дезинформации. Средняя подверженность «заражению» этой информацией все еще достаточно высокая. Каждая телепередача, публикация, рассказ очевидцев – новый всплеск паники или надежды, подъем или спад настроения. В один и тот же день мнение о последствиях ЧАК меняется на противоположное, причем случается это неоднократно.

Четвертый период – разрастание мрачных представлений о последствиях ЧАК

Четвертый период – генезис мрачных представлений о последствиях ЧАК – начался примерно с момента «захоронения», укрытия взорвавшегося блока АЭС. Разумеется, в определенной степени всё это условно, поскольку одна из особенностей воздействия радиации (кроме случаев сверхмощного облучения) связана с ее невидимым, относительно растянутым во времени характером. Большинство людей, не видевших ни самой аварии, ни тушения пожара, ни тех, кто погиб сразу или несколько позднее, будучи сориентированными по кинопредставлениям о жизни и смерти, слабо разбираясь в области радиобиологии, успокаивались.

Период стабилизации эмоций и представлений

Наступал период стабилизации представлений, их ретушировки своего рода монотонной информацией,

спокойным освещением (в большинстве своем) случившегося и его последствий. Сказывалась, разумеется, и психологическая усталость людей: с апреля–мая они находились в состоянии весьма сильного напряжения, даже перенапряжения, когда можно было говорить вполне оправданно о длительном стрессе, переживании состояния безвыходности, незащищенности, даже обреченности. Поэтому стабилизация представлений – вовсе не их улучшение, а изменение мнения об опасности воздействия вырвавшейся наружу радиации, скорее это можно назвать выработкой определенного иммунитета к воздействию новой и повторяющейся старой информации о Чернобыле.

Обращение к поиску продуктивных мотивов

Наиболее четко, по-моему, это выражено в следующем рассуждении: «Чернобыль никуда не исчез, но жить-то нужно. Некуда деваться. Нужно работать, зарабатывать деньги, кормить своих близких. Мы никому не нужны со своими бедами и опасениями. И нельзя же все время об этом думать. Так просто можно сойти с ума. Нужно отвлекаться» (С.М., кибернетик).

Люди начинали осознавать необходимость преодоления паники

Осознание необходимости преодоления паники, депрессии – это признак в общем-то нормальной реакции на случившееся независимо от его объективных признаков. Инстинкт самосохранения, безусловно, срабатывал, и подавляющее большинство тех, кто метался между «быть и не быть», «уезжать – остаться», постепенно приходили в себя. Кто-то начинал строить новую стратегию жизни – жизни в условиях происшедшей катастрофы, когда нет возможности сколько-нибудь существенно от этих последствий устраниваться. Даже представление о том, что Киев – «град обреченный», ничего, по сути, не меняло, потому что если ничего нельзя изменить, то разум вынужден с этим если не до конца, то в значительной степени примириться. Даже у достаточно информированных людей представление об опасности, скорее всего, вытеснялось в сферу подсознания, а некоторые, как это видно из вышеприведенного рассуждения, вытесняли эти представления сознательно, целенаправленно. В беседе один крупный ученый говорил: «Обыкновенный человек не может ежечасно ходить по битому стеклу. Это доступно только йогам. Точно так же невозможно жить, все время думая о Чернобыле, – невыносимо. Хотя я и плохо себе представляю, что будет с нами, если мы о Чернобыле вдруг забудем. Человек слишком слаб психически, чтобы представить, как выйти из сложившейся ситуации. Поэтому пусть вас не удивляет, что большинство вроде бы забыли об опасно-

Юмор –
добродушный смех
с серьезной
подоплекой

сти. Это, конечно, реакция страуса, но многим она просто необходима» (1989 г.).

Я должен хотя бы предельно кратко сказать и о роли юмора в преодолении тревожности, отчаяния, паники как эффективного психологического средства самозащиты. Вообще-то отдельные всплески «черного» юмора отмечались еще во втором периоде, но тогда он был всё же менее распространен: далеко не все могли позволить себе улыбнуться чьим-то страшноватым шуткам. А в этот период и «черный», и обычный юмор получает более широкое распространение, поскольку это тоже поиск ниши спасения [5; 8].

Своего рода адаптация к негативной информации и защитная реакция способствовали выработке следующей точки зрения: если ничего нельзя изменить, то лучше жить более спокойно. Это была фаза приглушения апокалиптических видений и вхождения в работу при новых, теперь уже постоянных радиационных факторах.

Четвертый период длился с конца 1986 по 1989 г.

А затем начался и продолжается до сих пор еще один период развития наших представлений о последствиях катастрофы в Чернобыле.

Пятый период –
период
«пульсирующих
интерпретаций»

Пятый период – период «пульсирующих интерпретаций», «жизни и умирания “с ЧАЭС в обнимку”», как выразился один из наших собеседников, – очень длительный. Для него характерно, с одной стороны, более взвешенное и устоявшееся отношение ко всему происходящему, а с другой – воздействие новых, порой чрезвычайно существенных, доз отрицательной информации.

Всякий раз, когда у нас появляются новые сведения, мы то вновь возбуждаемся, то впадаем в депрессию, то немного отходим, но, как правило, ненадолго. Каковы оценки теперешней ситуации в областях, близких к Чернобылю? Во многом они связаны с более мрачным прогнозом, который начал преобладать с 1989 г. и существенно распространился в течение 1990 г.

Новая информация о
людях, не
выселенных из
опасных зон

Появилось довольно большое число публикаций, радиопередач, телепрограмм о жителях, не выселенных из близкой к 30-километровой зоне, о недостатке «чистых» продуктов, повышении заболеваемости среди населения, росте смертности, о часто равнодушном отношении местных и высших властей к пострадавшим, в том числе к тем, кто принимал участие в ликвидации последствий ЧАК [3; 6; 7; 14; 15].

Основные оценки
положения людей
из опасных зон

Сегодня можно выделить четыре основные оценки положения людей, проживающих в опасных зонах.

I. «*Здесь жить нельзя*». Те, кто придерживается такой точки зрения, считают, что надо менять место жительства, поскольку зараженность территорий гораздо более сильная, чем об этом говорилось и говорится даже в последнее время, нет перспектив в ближайшие годы получить соответствующие продукты и никто не проявит о людях должной заботы.

II. «*Придется жить здесь*». Нужно приспособляться: максимально заботиться о качестве воды и продуктов, постараться как можно чаще и по возможности надолго уезжать из Киева – хотя бы летом, а детям – вообще на все каникулы, принимать адсорбенты и другие полезные вещества.

III. «*Сейчас везде одинаково*». Те, кто высказывает это мнение, объясняют его так: «Там – национальная резня, там – химия, там – землетрясения, там – голод...» Из всех зол они предпочитают выбирать свое – оно по крайней мере привычное. И кто толком может сказать, как оно еще будет с этой радиацией? Может, и не так страшен черт, как его малюют?

IV. «*Можно существовать*». В основном это мнение людей, проживающих в условиях незначительной радиации (в частности, в Киеве). Киевляне, конечно, знают, что есть места, где действительно радиация повышенная, но здесь, считают они, жить можно.

В октябре–декабре 1990 г. я провел опрос киевлян, в котором приняли участие 234 человека. Всем им задавался один лишь вопрос: «Какова, по вашему мнению, радиационная обстановка в Киеве сейчас?» Ответы показали, что представления, согласно только что приведенным интерпретациям, распределились следующим образом: I – 12%, II – 28%, III – 34%, IV – 22% (примерно 5% опрошенных не дали ответа). Нельзя, разумеется, утверждать, что эта картина точно отражает положение дел в том же Киеве, но думаю, что при более массовом опросе она не претерпит принципиальных изменений.

Можно ли жить в Киеве?

Хочу обратить внимание еще на один фактор оценки положения – *географический*. В 1988–1990 гг. (по январь 1991 г. включительно) некиевлянам (москвичам, жителям Львовской, Тернопольской, Запорожской областей и приезжим из других областей УССР и республик) в числе других был задан вопрос: «Можно ли, по вашему мнению, жить в Киеве?» Всего было опрошено 162 человек. Распределение по указанным группам оказалось следующим: I – 3%, II – 10%, III – 46%, IV – 40%. Как видим, уровень оптимизма (или фатализма?) заметно повышается с удалением от районов Чернобыля.

Понимание существа проблемы зависит от объективности информированности населения

Опасность стала условием формирования постчернобыльского мышления

Завершая обзор генезиса понимания чернобыльской катастрофы и ее последствий, мы можем констатировать, что он связан с общей специальной информированностью людей о случившемся, о воздействии радиации, проникновении радионуклидов в организм, с профессиональными знаниями, с «географией» – местом проживания, с мерами, принимаемыми по ликвидации более отдаленных последствий аварии, а также со специфическими особенностями мышления, мировоззрения, «личной философией» каждого опрошенного.

В целом же масштабы происшедшего, огромная опасность, которая, как теперь уже всё более и более признаётся не только узким кругом специалистов, но и всё более широкой общественностью страны и всего мира, – всё это, по моему глубокому убеждению, способствует формированию нового, постчернобыльского мышления. Это разновидность экологического мышления, основывающегося на понимании опасности, порожденной развитием промышленности, неумением или нежеланием проявлять заботу об окружающей среде, среде обывденного существования, на представлениях о возможных катастрофах, вызывающих гибель огромных масс людей или даже всего человечества.

Что наиболее характерно для постчернобыльского мышления? Прежде всего здесь следует говорить о доминировании целостного образа самой аварии, особенностей распространения радиации и ее опасности. Это образ комбинированный: в нем наличествуют и зрительные компоненты, и понятийные; он в каждом отдельном случае в определенной мере окрашен в эмоциональные тона в зависимости от причастности субъекта к последствиям ЧАК. В данном случае, по-видимому, можно говорить об интеграционном «Ч-образе» как существенно влияющем на мышление в целом, на интеллектуальное и общее поведение человека, поскольку и сам этот образ, и связанные с ним мощные пласты ассоциаций формируют и деформируют выработку представлений о жизнедеятельности, своем поведении и поведении других, в конце концов – о смысле жизни.

«Ч-образ» как общий фон повседневной жизни многих специалистов

«Ч-образ» – это поправочный коэффициент, который входит в систему принятия решений, оценок, выбора тактик и стратегий поведения, профессиональной деятельности (ныне, например, в ряде профессий, скажем, у работающих в зонах медиков, атомщиков, военнослужащих, да и просто у людей, проживающих там или в близлежащих городах и селах, «Ч-образ» является общим фоном повседневной жизни).

«Ч-образ» как
системообразующий
фактор

Именно поэтому у нас есть основания говорить о «Ч-образе» как о системообразующем факторе. Тем более что данный образ имеет весьма значимый эмоционально-волевой «подтекст» в самом широком смысле. Как будет показано ниже, в зависимости от особенностей реагирования на ЧАК для каждого человека соответствующим образом предопределяется выбор целей, формируется система ценностных ориентаций, субъективных предпочтений, стратегий проектирования личной жизни и др. То есть фактически мы можем говорить о своего рода предопределении человеком индивидуального стиля жизни и деятельности.

Сказанное выше показывает, что реагирование людей на ЧАК, как и следовало ожидать, было различным не только в связи с уровнем знаний о случившемся. На поведение, принятие решений каждым отдельным человеком влияли и его индивидуальные особенности. Трудно, разумеется, представить человека, за исключением лиц с неадекватными реакциями, больных и т.п., который бы никак не отреагировал на столь страшное событие. Особенности этих реакций представляют немалый практический интерес, в частности для изучения и прогнозирования поведения в аварийных ситуациях, в состоянии паники и пр., тем более что таких исследований у нас очень мало (о панике, например, известна единственная работа А.С. Прангишвили [16]). Вероятность не только «маленьких», но, к сожалению, и больших аварий, катастроф не уменьшается (катастрофа с теплоходом «Адмирал Нахимов», железнодорожная катастрофа под Уфой, десятки менее масштабных аварий).

Типы реагирования
людей на ЧАК

Сделаем попытку проанализировать реакцию «обычных» людей на ЧАК. Мы ориентировались на разработанную нами концепцию реагирования на затрудняющие деятельность условия [17], взяв за основу положение о *шести группах реагирования как гипотетическое в случае с ЧАК*.

В данном случае о характере поведения конкретного человека мы судили по его описанию своих действий, по выполнению (невыполнению) им основной работы, принятию важных решений, по длительности переживаний и др.

Тип
индифферентный

Рассмотрим каждый из шести типов реагирования. *I тип – индифферентный*. К этому типу относятся те, кто практически не проявил сколько-нибудь серьезной реакции, не изменил своего поведения, продолжая жить и работать, как и до аварии. Но и данный тип имеет разновидности. Если не считать тех, кто был про-

сто недостаточно осведомлен, не проявил интереса к случившемуся (находились и такие!), то это будут в основном две категории – мы их назвали «философы-фаталисты» и «стабильные флегматики». Первые просто считали: «Чему суждено быть, того не миновать» (среди них много верующих, воспринявших ЧАК как кару и связывающих избавление от ее воздействия с волей Божией). Вторые – это в целом спокойные люди, которых ничто не может вывести из себя: «Нет никакого смысла метаться: если мы получили большую дозу, то ее уже не вывести, а если нет, тем более нечего мельтешить» (Д.А., биолог). Сюда же следует отнести и некоторых лиц с пониженными умственными способностями.

Тип парадоксальный

II тип – мобилизующийся (парадоксальный). Это те, кто под влиянием информации об аварии повысил свою активность, улучшил показатели в деятельности, активнее искал выход из сложившейся ситуации, забывая обо всем второстепенном.

Представители этого типа проявляют постоянную активность именно тогда, когда имеются основания для серьезных опасений, когда они убеждены, что действительно нужно действовать. Принятие решения о действиях они осуществляют на основании значимой для них информации. Впрочем, можно сказать, что это касается и большинства остальных. Это важный момент в том смысле, что здесь можно предполагать «включение мобилизующих механизмов» не только у представителей этого типа. Но основной особенностью «парадоксалистов» является то, что они становятся максимально активными и деятельными именно при появлении затруднений, в экстремальных условиях. Инженер С.Ч. отмечал: «Для меня было важно мнение хороших специалистов. Когда один из них объяснил мне серьезность положения, я сразу же решил: необходимо уезжать немедленно. На машине товарища мы вывезли наши семьи сначала в Черкасы, а потом в Крым. В июне присоединились к ним, буквально вырвав отпуска раньше времени».

Тип депрессивный

III тип – депрессивный. К нему относятся люди, замедляющие свою деятельность, снижающие активность под влиянием отрицательной информации. Они более скованны в решениях, долго размышляют и мало действуют, неадекватно реагируют на последующие, по их мнению малозначимые, сообщения и т.д. Преподавательница вуза Л.Д. заявила: «Сообщение о серьезности аварии буквально сковало меня, загнипотизировало. Я начала жить как в полусне. Сама не могла ничего

Тип чрезмерно активный

решать. Всё время советовалась с другими. Сознание как бы опустошилось. Постоянно думала и переживала, как это всё ужасно, рисуя себе картины одну страшнее другой. Это у меня как летаргический сон наяву. Так я живу до сих пор. Я никуда не уезжала».

IV тип – чрезмерно активный. Лица данного типа в условиях поступления информации о ЧАК сразу же развернули бурную деятельность – малоадекватную, не всегда продуманную, носящую хаотический характер. Это тип, который в данном случае можно назвать активно-паническим. Деятельность его представителей не всегда осознанна и, как правило, не приносит сколько-нибудь ощутимых положительных результатов. Служащий Ф.П. рассказывал: «Мне позвонили ночью и сказали, что нужно немедленно уезжать. Информация была устрашающей, и я бросился хватать самое ценное. Собрал пару чемоданов, забыв о деньгах. Вернулся домой с вокзала, взял деньги, поменял некоторые вещи – летние на зимние. Получилось уже больше, но я опять помчался на вокзал. Только там, увидев, что люди спокойны, я вспомнил, что забыл позвонить сестре с мужем. Позвонил им. Они меня, как всегда, высмеяли. Но я купил билет в Минск. Оставалось еще время, и я опять поехал домой – поменять вещи. Оставил зимние, взял самые необходимые летние. Позвонил теперь уже из дому нескольким знакомым. Бросил чемоданы и помчался на вокзал, тут же сдал билет и купил новый – на Кавказ. Вскоре уехал, но в поезде немного успокоился и, разговорившись, подумал, что сделал глупость: всё это разговоры, преувеличения. Зачем было ехать?! Я еще раздумывал, а потом в Днепропетровске вышел, взял обратный билет и вернулся в Киев. Когда я вернулся и начал звонить знакомым, то уже многие были обеспокоены. Я опять заметался, но билет уже достать было невозможно. Ни на поезд, ни на самолет, ни на автобус. Я развил бешеную деятельность и достал билет на самолет в Мурманск. Потом сдал, так как вылет был через десять дней. А тут успокаивающие сообщения по радио... А после десятого мая опять всплеск паники. Но билетов уже никуда достать было невозможно. На работе меня пристыдили...».

Тип циклический

V тип – активно-депрессивный (циклический). Его представителям вначале очень активно реагируют на сообщения, начинают действовать, но затем (сравнительно быстро) впадают в противоположную крайность – бездействие, даже депрессию. Одна из представительниц этого типа вспоминала: «Вначале я заметалась, не зная,

что делать. С кем-то советовалась, спорила с домашними, бегала к соседям, звонила на радио и телестудию, даже в милицию. Каждый говорил, что ему приходило на ум. Я приостыла. Потом опять слухи. Разговоры. Я снова бросилась решать проблемы. И снова – передышка, апатия. И так всё время. Как говорят, полосами».

Тип «скрытая паника»

VI тип – «скрытая паника». С самого начала некоторые люди реагировали на сообщение о ЧАК определенно: они «отключались», то есть не только не активизировали или замедляли свою деятельность, но вообще ничего не предпринимали – «застывали». Здесь можно выделить две разновидности реагирования. Одни бездействовали, ничего особенного при этом не испытывая, не переживая. Другие же при этом очень сильно переживали случившееся – вся их активность протекала на уровне «спрятанных» психических переживаний, воображения и внешне не проявляющихся чувств.

Пример скрытой паники – рассуждения учительницы Е.Ш.: «Это, наверное, был шок или что-то вроде него. Я узнала о случившемся от родителей учеников, когда пришла утром в школу после майских праздников. Они были встревожены, но как поступить с детьми, не знали. Я стала думать о классе, о своих детях, уже не школьниках. И абсолютно ничего не могла сообразить, фактически ничего не предпринимала... Так было и в последующем. Многие удивлялись моему спокойствию, а я будто оступела... Может быть, это защитная реакция?»

Этот тип, как нетрудно понять, существенно отличается от первого – представители первого не бездействуют, они работают, действуют по-прежнему. Представители VI типа фактически ничего не делали: «У меня всё валилось из рук»; «О том, чтобы что-то делать осмысленное, в то время не могло быть и речи» и т.п.

Типы реакций могут переходить из одного в другой

По приведенным свидетельствам можно установить, что наблюдался не только эффект устойчивого реагирования, но и своего рода динамика «перехода из одного типа в другой», то есть некоторые люди по-разному реагировали в зависимости от получаемой информации, от своего понимания ситуации, от степени своей адаптированности к условиям жизни после ЧАК и т.д.

В целом наименее многочисленными были представители первых двух типов (примерно 9 и 3% соответственно). Далее в среднем распределение по типам было таким: III – около 17%, IV – около 20%, V – около 22%, VI – около 28%. При этом по мере удаления даты ЧАК динамика «перехода из типа в тип» отражала следующую картину: число представителей I, III, VI групп уве-

События катастрофы повлияли на многие составляющие жизни и сознание людей

личивалось, IV, V – уменьшалось, II – оставалось примерно одинаковым. Имеющиеся в нашем распоряжении данные однозначно говорят о заметном снижении профессиональной и общей активности во все периоды формирования представлений о последствиях ЧАК.

Даже скромный анализ некоторых аспектов последствий ЧАК дает нам основания говорить о чрезвычайно серьезном влиянии случившегося не только на генетику, медицину, экономику, но и, что не менее важно, на развитие наших экологических взглядов, формирование нового, постчернобыльского мышления, а может быть, даже мировоззрения.

Выявление феномена непрерывной скрытой паники свидетельствует о необходимости принятия серьезных мер не только государственного, но, наверное, и общемирового масштаба для решения этой проблемы. Этому помогут и попытка выявления типов реагирования на ЧАК, дальнейший анализ особенностей понимания и интерпретации последствий аварии, выработка своего рода постчернобыльского стиля жизни для различных регионов, в первую очередь, конечно, для пострадавших в чисто биофизиологическом плане.

Озабоченность проблемой ЧАК остается актуальной

Наш последний анализ доступной информации, посвященной ЧАК, говорит об остром интересе к этой проблеме: число публикаций непрерывно растет, и, пожалуй, есть даже основания сказать о «психической эпидемии», «пандемии страха последствий Чернобыля». К пресловутому понятию «радиофобия» сейчас уже добавляется понятие «чернобыльский психоз». Не затрагивая нравственной стороны вопроса, мы должны отметить следующее: появление такого «психоза» означает, что дело серьезное, если для его возникновения нет или почти нет достаточных оснований. К сожалению, это не тот случай, когда можно говорить о выдуманных причинах, хотя, безусловно, и это вполне естественно, есть и своеобразная гипертрофия случившегося. Какова же она на самом деле, увы, можно будет судить лишь по истечении длительного времени. Здесь умозрениями и разнообразными – часто не совпадающими – мнениями специалистов и неспециалистов не обойтись.

Напряженность психики людей от последствий катастрофы ЧАК легко порождает панику

О чрезвычайной серьезности психологических последствий ЧАК с большой убедительностью, в частности, свидетельствует факт паники в Киеве, связанной со слухами о прорыве радиоактивных вод в Днепр (26 января 1991 г.). Правда, в тот раз паника быстро улеглась, и в основном люди ограничилась ночными телефонными обменах сведениями и запасанием воды.

Необходимость
в специальной
системе
психологической
службы

Пандемия страха
последствий ЧАК

Одновременно паника продемонстрировала возросшую солидарность жителей города, рациональность их поведения как следствие определенной сформированности постчернобыльского мышления, повышения психологической готовности к экологическим бедствиям.

Мне представляется логичным поставить вопрос о разработке специальной системы психологической службы по результатам ЧАК. В этом направлении кое-что уже делается, но масштабы реализованного пока что ничтожны. Необходимо вести практическую работу с населением всей Украины, всей Белоруссии, определенной части России. Наряду с действенной медицинской помощью нужна помощь именно психологическая, ее роль трудно переоценить. Ведь даже этот весьма еще поверхностный анализ позволяет говорить и о колоссальной психологической катастрофе, вызванной взрывом в Чернобыле. И здесь не надо быть оракулом, чтобы предсказать очень сильное депрессивное, морально разлагающее и обезоруживающее влияние ЧАК.

Сегодня мы фактически можем говорить с полным на то основанием о своего рода пандемии* страха последствий этой катастрофы. Именно поэтому мы предлагали организовать стационарную работу Международного психологического совета по максимальной нейтрализации психологических последствий Чернобыля, психологической дезактивации человеческого сознания. Как отмечал академик АМН СССР В.А. Воробьев, «после этой аварии должно закончиться средневековое мышление человечества... <...> Происшедшее в Чернобыле показало нам масштабы возможной катастрофы. Это должно буквально переформировать наше мышление, в том числе и мышление любого человека, кем бы он ни был – рабочим или ученым. Ведь ни одна авария не бывает случайной. Значит, надо понимать, что атомный век требует такой же точности, с какой рассчитываются траектории ракет. Атомный век не может быть в чем-то только одним атомным. Очень важно понять, что сегодня люди должны знать, например, что такое Хиросима, так же хорошо, как знают они, что такое четырехтактный двигатель внутреннего сгорания. *Без этого нельзя жить. Хочешь жить в атомном веке – создавай новую культуру, новое мышление*» (курсив мой. – В.М.) [12, с. 105].

* Пандемия (гр. *pan*demia – весь народ) – распространение страха, болезни на целые страны.

1. Новый завет. Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис).
2. Гейл Р., Гаузер Т. Последнее предупреждение. Наследие Чернобыля. – Киев, 1989 (на укр. яз.).
3. Ковалевская Л. Чернобыльский дневник. – Киев, 1990.
4. Куркин Б. Кто отвинчивает гайки? // Смена. – 1989. – № 13. – С. 14–15.
5. Скляр С. Чернобыль глазами киевлянина // Дружба народов. – 1989. – № 6. – С. 206–220.
6. Чернобыль – катастрофа продолжается // Москва. – 1990. – № 11. – С. 138–148.
7. После Чернобыля. Круглый стол // Наш современник. – 1990. – № 1. – С. 140–167.
8. Щербак Ю. Чернобыль // Юность. – 1987. – № 6. – С. 46–66; № 7. – С. 33–53.
9. Иллеи А.В., Пральников А.Е. Репортаж из Чернобыля. Записки очевидцев. Комментарии. Размышления. – М., 1987.
10. Чернобыль. Дни испытаний. Книга свидетельств. – Киев, 1988.
11. Чернобыль: события и уроки. – М., 1989.
12. Медведев Г. Чернобыльская тетрадь // Новый мир. – 1989. – № 6. – С. 3–108.
13. Костюк Г.С. О психологии понимания // Избранные психологические труды. – М., 1988. – С. 195–228.
14. Белецкая Л. Нам страшно... // Комсомольское знамя. – 1989, 21 ноября.
15. Киев: пятый год после Чернобыля. Круглый стол // Київський вісник. 1990, 21 сентября (на укр. яз.).
16. Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси, 1967.
17. Моляко В.А. Психология творческой деятельности. – Киев, 1978.

References

1. Otkrovenie ap. Ioanna Bogoslova (Apokalipsis). In: *Novyyi zavet*. (in Russian)
2. Geyl R., Gauzer T. *Poslednee preduprezhdenie. Nasledie Chernobyilya*. Kiev, 1989. (in Ukrainian)
3. Kovalevskaya L. *Chernobyilskiy dnevnik*. Kiev, 1990. (in Russian)
4. Kurkin B. Kto otvinchivaet gayki? In: *Smena*, 1989, No. 13, pp. 14–15. (in Russian)
5. Sklyar S. Chernobyil glazami kievlyanina. In: *Druzhba narodov*, 1989, No. 6, pp. 206–220. (in Russian)
6. Chernobyil – katastrofa prodolzhaetsya. In: *Moskva*, 1990, No. 11, pp. 138–148. (in Russian)

7. Posle Chernobyilya. Kruglyiy stol. In: *Nash sovremennik*, 1990, No. 1, pp. 140–167. (in Russian)
 8. Scherbak Yu. Chernobyil. In: *Yunost'*, 1987, No. 6, pp. 46–66; No. 7, pp. 33–53. (in Russian)
 9. Illesh A.V., Pralnikov A.E. *Reportazh iz Chernobyilya. Zapiski ochevidtsev. Kommentarii. Razmyishleniya*. Moscow, 1987. (in Russian)
 10. *Chernobyil. Dni ispyitaniy. Kniga svidetelstv*. Kiev, 1988. (in Russian)
 11. *Chernobyil: sobyitiya i uroki*. Moscow, 1989. (in Russian)
 12. Medvedev G. Chernobyilskaya tetrad. In: *Novyy mir*, 1989, No. 6, pp. 3–108. (in Russian)
 13. Kostyuk G.S. O psihologii ponimaniya. In: *Izbrannyye psihologicheskie trudyi*. Moscow, 1988, pp. 195–228. (in Russian)
 14. Beletskaya L. Nam strashno... In: *Komsomolskoe znanya*, 1989, 21 noyabrya. (in Russian)
 15. Kiev: pyatyy god posle Chernobyilya. Kruglyiy stol. In: *Kiyivskiy visnik*. 1990, 21 sentyabrya. (in Ukrain)
 16. Prangishvili A.S. *Issledovaniya po psihologii ustanovki*. Tbilisi, 1967. (in Russian)
 17. Molyako V.A. *Psihologiya tvorcheskoy deyatel'nosti*. Kiev, 1978. (in Russian)
-

